

Ну-с, кто посмеет стать трусом? "Я много сплю, я доблести не знаю." В жизни всегда есть место подвигу? Так то - в жизни. А "у нас"?...

Именно страх заставляет нас быть реалистами, но - страх, а не панический ужас. В рукописи "Евгения Онегина" после слова "Тоска!.." следует: "...Евгений ждет погоды// Уж Волга рек, озер краса// Его зовет на пышны воды..." ("О Волга! Рек, озер краса, // Глава, царица, честь и слава!" - Дмитриев "К Волге") И все-таки лучше всех воспел Волгу Вс. Некрасов, помните? - "...но// воды много." Лейбград же - как истинный самаритянин - нашел свое оригинальное определение Волги: "Средняя". У меня - до сих пор! - нет слов, но, помнится, Волга - течет. Издалека. Долго... "И к новой смерти движется артель... Разве жизнь - это смерть?" - недоумевает Лейбград. Отвечать?

Я не услышу тебя, уволь,
лучше не ведать, какие вести
там, где Россия гудит, как двести
двадцать верхних и нижних вольт.
"Ирония - это одиночество". Это определение нуждается в корректировке, ибо, иронизируя - хотя б над самим собой - поэт прорывает колючую проволоку кавычек и открывает, что он не один такой один. Помните? - "Я так один. Никто не понимает..." (Р.М.Рильке)

III. "БЕЗВЕСТНАЯ РОДИНА СНА"

1.

Отечество не склеишь между делом,
каким там делом? - этаким, сяким,
Мне снится, что я старец Иахим,
я - андерталец. Ты не андерталец.
С.Лейбград

Как ни сжимайся в точку, в отсутствующем абстрактном пространстве мнимой реальности ты занимаешь чужое место, место не андертальца. Нужно пройти сквозь эту точку и выйти в другую вселенную, вселенную исчезнувшей точки. Как это сделать? Не знаю.

Не сходятся слова. Доносятся извне.
Но в поисках слепых щадящего пространства
Двусмысленно дышу, ворочаясь во сне -
Языческая грязь на чистой простыне,
Крахмального насквозь, святого христианства.
Александр Кушнер на семинаре в Самаре восхитался "роскошной поверхностью мира", которую хочется погладить ладонью. Для меня поверхность - это те метры и километры, которые надо пройти и проехать, чтобы попасть из одной точки в другую, такую же. Смотреть по сторонам не хочется: бесплезно, вредно, опасно. Протянуть руку страшно - она наткнется на пустоту, и ты можешь потерять и так очень шаткое равновесие, свалившись в колодец со сдвинутым люком, но Самара здесь не при чем. Что мы, собственно, видим? В лучшем случае - белую простыню, серый экран, замерзшее окно трамвая с несколькими царапинами на нем?.. Глядя перед собой, восклицаешь: "Не может быть!" И может быть, единственное, что можно сделать - это упорствовать в этом "не может быть!"

И полжизни смотреть в слуховое окно
На Никейский собор, и никем оставаться,
Становиться никем. Так уж заведено,
Чтоб сначала звонить, а потом просыпаться.
И проснуться никем...
Разум не может примириться с тем, что это (ничто) и есть реальность: если это - реальность, то я - никто в этой реальности. Стоять на почве этой реальности - значит сойти с ума, и это другое, что можно сделать: "Я шествую с ума, с былых высот..."

...с разбега

В Испанию, и спать, и догола...
Кого это напоминает? Конечно, Поприщина!
"... уснул бы, да губы болят// От молчания,
если подряд// По сознанию мечутся слово-//
сочетания, свищут, галдят, // Намекают на связи,
покровы// Разрывают по швам, теребят..."
Но, вопреки Фрейду, ни в одном сне нет ни капли абсурда: вернитесь в свои сны, откройте любой сон Кафки, ни К., ни Йозефу К., ни

Замзе, ни нам, если мы не психоаналитики-деконструктивисты, и в голову не приходит, что происходящее с ними - и с нами! - во сне - абсурдно. И наоборот: любой разумный человек (а Кафка - из самых разумных!) должен признать, что наше... не знаю, как и назвать... существование?.. - лишено смысла. Не в принципе, речь не об этом, а вот здесь и сейчас. Представить себя, например, гражданином России или советским человеком безумнее, чем Поприщину обнаружить, что он испанский король. Как раз для того, чтобы хоть попытаться сохранить разум, и необходимо прежде всего сказать себе: всякая логика здесь и сейчас и есть те описки, опечатки и оговорки, за которыми охотятся аналитики:

В начале был голос, а логос пришел в результате

Описки нелепой, смешной опечатки некстат. Но ведь все - в стихах - должно быть "некстат, не так, как у людей" (А.Ахматова) именно потому, что в действительности все "не так" как раз "у людей", но они уже или не в состоянии это заметить, или, если заметили, махнули рукой, или, если и не махнули рукой, решили: все равно ничего не попишешь, и нужно ведь как-то ЖИТЬ. Но в том-то и дело, что "жизни почти нет, она осталась в деталях и совпадениях, в случайных воздушных пузырьках" (М.Айзенберг).

... еще немного кислорода,
еще, еще в счет пьяного родства,
в счет благородной глупости исхода.

Но "хищная, кровожадная мнимость, полное бытие идет на нас, подминая и слизывая всякую жизнь" (М.Айзенберг). "Галлюцинации воспоминаний отслаиваются в сознании, как детские переводные картинки. Страшно, жестоко и нежно..."

Цветная смерть, не выпростаешь глаз,
и в густопсовой видимости жизни
хотя бы час, беззвучной страсти час,
вдвоем с тобой в исчезнувшей Отчизне.

Какие-то усилия и попытки ("оклеивая зрением цветным// пространство, что становится родным// по месту проживания...") судорожны, неуклюжи и безнадежны: "Отечество не склеишь между делом..." Что еще? "Ахматовская поэзия совершенно далека от народа, - разоблачал Ахматову Жданов. - Основное у нее - это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти... Настроения одиночества и безысходности, чуждые советской литературе, связывают весь исторический путь "творчества" Ахматовой..." Что ж, перечисленные мотивы и настроения действительно чужды советской литературе. Они же - основные в фольклоре. Быть от народа дальше, чем "советская литература" вряд ли кому удастся. Но вот что писала о своем творчестве сама Анна Ахматова: "Я сейчас прочла свои стихи... кому они нужны?.. Они ничего не дают читателю. Они похожи на стихи человека 20л. просидевшего в тюрьме. ...в них нечему учиться, они не несут утешения, они не так совершенны, чтобы ими любоваться, за ними, по-моему, нельзя идти... Величья никакого я в них не вижу. ... - углем по дегтю. Боже! - неужто это стихи?" Но именно "углем по дегтю" и есть стихи, а не те попытки создать нечто величественное, которые, надо признаться, Ахматова предпринимала. Нет, дело здесь не в трагизме (Сама трагедия не должна быть такой" - А.А.). И Лейбград сам себя прерывает на полуслове: "...Все. Удержаться от смеха нельзя// На трагической ноте, которая вдруг засвистела..." И остается одно:

В отрыв уходить, отрываться и спать
В бушлате, в Алуште, в тулупе, в Алушке...

В нокдауне, в дауне, в тайне и где повезет
Живу...

2.

Роняющий окурки на ходу,
Бредущий по конторе иждевенец,
Я жидусь на видениях в бреду...
С.Лейбград

Мне все равно, кто смерть заговорит,
Кто выпросит у мертвых разрешенья
На жительство, на родину, на вид.
И лампочка, как ампула, пронзит

Премамбулу ночного помрачения.
"Все, что мы видим, находится в нашем сознании, Петька. Поэтому сказать, что наше сознание находится где-то, нельзя. Мы находимся нигде просто потому, что нет такого места, про которое можно было бы сказать, что мы в нем находимся. Вот поэтому мы нигде" (Пелевин "Чапаев и Пустота"). Но вот Сергей Лейбград находит такое место: "В Испанию, и спать..." Во сне пушкинский "дремлющий ум" смешивается с тютчевским "миром дремлющим", и я, а не кто-то другой, не андерталец, здесь, во сне, где "все во мне и я во всем." "Одеяло с пододеяльником// - поскорей укрыться с головой.// Не будите меня - я маленький, // я с работы, и едва живой.// Я свернусь калачиком// на краешке// у гремящей, как тоска, реки... (Ян Сатуновский) Я - маленький, какие-то дяди-тети ерошат мне волосы и приговаривают: "Хороший мальчик, хороший, хороший... когда спит!" И

Я сплю до до полудня, колени прижав к животу,

просыпая все комплексы, символы и архетипы, ибо не скрытые и постыдные "удовольствия", а полноту бытия и вовлеченность в него всего нашего существа, все, по чему мы так изголодались, бодрствуя, даруют нам сны, и неважно, что это? - Nacht - или Tagtraume, но вся работа - и Traumarbeit, и Deutungsarbeit - происходит не после, не на кушетке аналитика, а здесь и сейчас, во мне... во сне...

Торжественно страшно становится, если не вторя

Иным хронотопам, почувствовать время извне -

Когда опускаюсь во сне ниже уровня моря,
Дыхания, света, когда погружаюсь во сне
Значительно ниже привычного уровня плотности,

И трогаю тело, как трогает буквы слепой,
Вот-вот прочитаю, прочту и забуду в расчете

На то, что страница всегда у меня под рукой

Уже онемевшей.

Стихотворения Лейбграда не пересказ-описание сна, а сам сон, хотя и снящийся ясным и четким, почти латинским, слогом, родственным слогу Гандлевского или Цветкова, родственным, но не уподобленным, ибо сам этот слог - тоже сон, в него надо уснуть - самому. И приснится:

Вселенная со всеми опочит,
И ты умрешь, и диктор замолчит,
Услышу - соблазнительно и слабо -
Замызанная музыка силлабо-
Тонических размеров зазвучит.

Конечно, Лейбград не пишет, как Анна Ахматова, углем по дегтю, и слово для него уже и не царственно, и не прочно:

Но нет уже такого предложенья,
И нет уже такого сочетанья,
Которые, спасая положенье,
И тленья убегают и возгоранья.

И не защищенные сами от возгаранья, его предложения не предназначены жечь чьи-то сердца, где там! "...В раструбе// Сознания, царапая затылок, // Запутался торжественный обрубок, // Обрывок, образ, вычурное слово, // Зачеркнутое лишь наполовину." Такой обрубок-обрывок почти ни на что не годен: "Не получается диалог. // И не получится. Влажным комом // речь сворачивается у ног." Но сжимаясь в точку, сворачиваясь во сне... в трубе, уходя, как зверь, в темноту, поэт помнит, что "безударная долгая доля // слаще Отечества и короля", и понимает, что,

Нет, наверное, суть не в разлуке
И не в том, что я болен опять,
А в каком-то связующем звуке,
Без которого душ не связать.